

корабль, но буря не позволила отплыть; наконец, прибыли преследователи, схватили Андроника и отвезли в Константинополь. По Роберту, всего этого пребывания в Хиле не было — корабль сразу же отнесло к Константинополю и здесь, в таверне, Андроник был схвачен.

Далее у Роберта следует характерный эпизод. Андроника приводят к Исааку Ангелу, который — в соответствии с нормами феодального права — обвиняет своего предшественника в том, что тот предал своего сеньора императора Мануила, на что Андроник — опять-таки вполне рыцарственно — отвечал: «Молчите, я не удостою Вас ответом». После этого Исаак собирает многих жителей города и советуется с ними о предстоящей казни Андроника (стр. 27). Совершенно по-другому представлена встреча Андроника с Исааком у Хониата: низложенного государя посадили в башню Анемы (одну из константинопольских тюрем), надели ему на шею тяжелые цепи, которыми обычно приковывали львов, а ноги забили в колодки; потом его привели к Исааку и здесь подвергали оскорблениям, били по щекам, пинали в зад, вырывали бороду, выбивали зубы (стр. 455).

Самое описание казни Андроника, которого посадили на паршивого верблюда и возили по городу, подвергая всяческим поношениям, сходно у Роберта и Хониата, хотя и здесь можно заметить некоторую тенденцию к «облагораживанию» действия, присущую французскому рыцарю: он заставляет врагов Андроника колоть его шпагами (стр. 28), тогда как у Хониата толпа забрасывает свою жертву камнями и навозом, избивает дубинами, поливает мочой (стр. 456 и сл.).

Рассказ Роберта завершается отсутствующим у Хониата пассажем. На порталах церквей были выставлены изображения, представлявшие, как чудо сделало Исаака императором, как господь возложил на него корону и как ангелы порвали тетиву лука, когда Андроник намеревался его поразить (стр. 28). Может быть, именно этим византийским «лубкам» в какой-то мере обязан своим повествованием Роберт де Клари.

Различия между Никитой Хониатом и Робертом де Клари бросаются в глаза. Проще всего, пожалуй, выделить различие в трактовке реалий: Роберт явным образом «феодализирует» византийскую действительность, вводя привычную ему терминологию и представляя отношения между людьми в привычном ему стереотипе поведения. Сцена встречи Исаака Ангела с арестованным Андроником в этом отношении особенно показательна: византийский историк не мыслит ее иначе, как палочную расправу, французский писатель обрамляет ее формулами, почерпнутыми из понятий рыцарской чести.

В соответствии с этим строятся и образы действующих лиц: Кирсаак и Андромес Роберта — это прежде всего рыцари. Дело не только в том, что их повсюду сопровождают их «люди» и что они пользуются западноевропейской рыцарской терминологией, — их поведение подчинено принципам рыцарского идеала, где мужество, верность и благочестие являются основными качествами. Герои Никиты Хониата куда более «приземлены», и отношение автора к ним гораздо более скептическое.